

ЯА

ГЬЯСИ

НОВЫЙ РОМАН ЛАУРЕАТА **NATIONAL BOOK
CRITICS CIRCLE AWARD** И ПРЕМИИ **GRANTA**

ПЕРЕВОД
ЕЛЕНЬ МУЗЫКАНТОВОЙ

МИР
НЕЗЕМНОЙ

роман

МИ∞

МИФ Проза

Яа Гьяси
Мир неземной

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)6-44

Гьяси Я.

Мир неземной / Я. Гьяси — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-169893-7

Гифти, дочь мигрантов из Ганы, учится на факультете неврологии в Стэнфорде. Научные эксперименты для девушки – способ разобраться в том, что происходит в собственной семье. Несколько лет назад брат Гифти, одаренный спортсмен, умер, не справившись с зависимостью. Отец вернулся из Америки на родину. А мать уже долгое время не в силах справиться с депрессией. Обращаясь к науке, Гифти упорно продолжает искать ответы в лоне церкви, воспитавшей ее. В свои 28 лет она остро чувствует одиночество. И мечтает стать ученым, чтобы, исследовав безграничные возможности разума, узнать, сможет ли наука ей помочь. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-00-169893-7

© Гьяси Я., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	17
Глава 8	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Яа Гьяси Мир неземной

Yaa Gyasi

TRANSCENDENT KINGDOM

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© YNG Books, Inc., 2020

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Посвящается Тине

*Мир полон до краев величием Божьим.
Оно слепит, как слитков мириад.*

Джерард Мэнли Хопкинс «Божье величие» (пер. А. Парина)

*Ничто не входит в этот мир, никто из него не выходит.
Шерон Олдс «Границы»*

Глава 1

Стоит подумать о матери, как перед глазами неизменно встает одна и та же картина: женщина, лежащая на двуспальной кровати, в коконе из тщательно выстроенной тишины. Мама не покидала комнату по несколько месяцев, засев среди простыней, точно вирус; первый раз это случилось еще в моем детстве, второй – когда я пошла в аспирантуру. На время первого кризиса меня отправили к родне в Гану, переждать. Помню, мы с тетей шли по рынку Кедже-тия, как она вдруг схватила меня за руку и стала куда-то указывать.

– Гляди, – сказала тетя на родном наречии чви. – Видишь? Сумасшедший.

Мне стало ужасно стыдно. Тетя так громко говорила, а высокий человек с грязными дредами стоял совсем неподалеку.

– Да вижу, вижу, – зашипела я в ответ.

Мужчина прошел мимо, бормоча себе под нос и размахивая руками. Только он сам и понимал, что же это значит. Тетя удовлетворенно кивнула, и мы стали протискиваться дальше сквозь толпы людей на этом кошмарно тесном рынке к прилавку, где проводили остаток утра в попытках сбыть поддельные дизайнерские сумки. За те три месяца, что я там прожила, удалось продать лишь четыре штуки.

Даже теперь, спустя годы, я не до конца понимаю, зачем тетя специально обратила мое внимание на того человека. Может, думала, в Америке сумасшедших нет и я их никогда не видела. А может, вспомнила мою маму и настоящую причину, почему тем летом я торчала в Гане, обливаясь потом за прилавком, пока мать лечилась дома в Алабаме. Мне было одиннадцать, и я видела, что мама не больна – по крайней мере, не так, как, по мнению ребенка, болеют люди. Я не понимала, от чего ей нужно лечиться. Не понимала, но что-то подспудно чувствовала. Это ощущение наложилось на стыд от бестактного поведения тети по отношению к тому мужчине. Она говорила: вот, смотри, как выглядят сумасшедшие. А я взамен слышала мамино имя. Видела мамино лицо, недвижимое, точно водная гладь. Вспоминала, как пастор мягко касался ее лба, а тихая молитва наполняла комнату монотонным гулом. Не уверена, знаю ли, как выглядят люди с ментальными расстройствами, но по сей день, слыша «сумасшедший», представляю разделенный надвое экран, где по одну сторону тот мужчина с дредами из Кедже-тии, а по другую – мама на своей кровати. И ведь никто, ни единая душа на всем том рынке не обращала внимания на беднягу, не боялась его, не презирала. Лишь моя тетя решила мне его показать. Создавалось впечатление, будто он совершенно умиротворен, вопреки бурной жестикуляции и несвязному бормотанию.

Зато мама, при всей своей внешней неподвижности, переживала внутреннюю бурю.

Глава 2

Когда случился второй кризис, я узнала об этом по телефону в нашей лаборатории при Стэнфорде. Мне как раз пришлось рассадить двух мышей по разным коробкам, а то они начали друг друга драть. Я нашла кусочек плоти в уголке их прежнего домика, но не смогла определить, кто же так пострадал. Обе мыши были в крови и, убегая от меня, метались по коробке, хотя, по сути, бежать им было некуда.

– Послушай, Гифти, она почти месяц не появляется в церкви. Я звонил ей домой, но никто не отвечал. Я иногда заглядываю, проверяю, есть ли у нее еда, но боюсь... боюсь, это снова случилось.

Я ничего не ответила. Мыши практически успокоились, но меня до сих пор трясло от их вида. Я переживала за свой эксперимент. Переживала за все.

– Гифти? – позвал пастор Джон.

– Ей лучше пожить со мной.

Уж не знаю, как пастор посадил маму на самолет. Когда я встретила ее в аэропорту Сан-Франциско, она выглядела совершенно обмякшей и безучастной. Невольно представилось, как пастор Джон уложил ее наподобие того, как сворачивают свитер: скрестил руки на груди, подтянул ноги к животу, аккуратно упаковал в чемодан, наклеил сверху ярлык «Осторожно, хрупкое» и передал стюардессе.

Я крепко обняла маму, но она вся сжалась. Я глубоко вздохнула и спросила:

– Багаж забрала?

– *Daabi*, – ответила она.

– Ясно, багажа нет. Отлично, тогда идем напрямик к машине. – Меня саму так затошнило от собственного приторно-сладкого голоса, что я прикусила язык и сглотнула выступившую на нем кровь.

Мама пошла за мной к моей «Тойоте-Приусу». В иных обстоятельствах мать посмеялась бы над машинкой, ведь сама в Алабаме привыкла ездить на пикапах и внедорожниках. «Гифти, мое кровоточащее сердце», – иногда называла она меня. Не знаю, где мама подцепила эту фразу, полагаю, у пастора Джона или какого-нибудь из телепроповедников, которых она любила смотреть, пока готовила. Возможно, так уничижительно называли людей, которые, как и я, бежали из Алабамы и поселились среди грешников, ведь чрезмерно кровоточащие сердца ослабили нас и не позволили остаться среди стойких избранников Христа в Библейском поясе. Мама также являлась поклонницей Билли Грэма, который любил выдавать сентенции вроде: «Настоящий христианин – это тот, кто может отдать своего домашнего попугая главному сплетнику в городе».

Помню, в детстве я еще думала: как жестоко отдавать кому-то своего попугая, он же к тебе привык!

Забавно, что все такие подцепленные фразочки мама вечно произносила немного неправильно. Я была не просто кровоточащим сердцем, а *ее* кровоточащим сердцем. Не вопиющий поступок, а вопящий. Мама говорила с легким южным акцентом, который оттенял ее родной ганский. Прямо как волосы моей подруги Энн, которые вообще были каштановыми, но на солнце отливали рыжиной.

Мама села в машину и уставилась в пассажирское окно, тихая, как церковная мышка. Я попыталась посмотреть на все вокруг ее глазами. Когда я впервые приехала в Калифорнию, все казалось таким красивым. Даже трава, пожелтевшая, пожухшая от бесконечной засухи, смотрелась будто не из нашего мира. Наверное, я угодила на Марс, ведь не может же и это быть Америкой? Я вспомнила однообразные зеленые пастбища из своего детства, небольшие холмы, которые мы звали горами. Меня поразили масштабы западного пейзажа. Я приехала

в Калифорнию, потому что хотела потеряться и найти себя. В колледже я прочла «Уолден, или Жизнь в лесу», потому что та книга нравилась мальчику, который нравился мне. Помню, ничего в ней не поняла, но повыведяла кучу цитат, в том числе эту: «Пока мы не потеряемся – иными словами, пока мы не потеряем мир, – мы не находим себя и не понимаем, где мы и сколь безграничны наши связи с ним».

Если маму и впечатлил пейзаж, я этого не заметила. Мы ехали в общем потоке, и рядом с нашей машиной пристроилась другая. Ее владелец быстро отвернулся, потом оглянулся на меня и снова отвернулся прочь. Мне почему-то захотелось подействовать ему на нервы или, может, передать часть своей неловкости, поэтому я продолжила пялиться. Мужчина стиснул руль, стараясь больше не оборачиваться. Его побелевшие костяшки перевивали красные жилки. Наконец он сдался, бросил на меня сердитый взгляд и одними губами спросил: «Что?» Я всегда замечала, что движение по мосту подталкивает каждого к его личной грани. Словно водители внутри машин смотрят на воду и задаются вопросом: «А что, если?.. Существует ли другой выход?» Мы снова двинулись вперед. В плотном потоке мужчина был так близко, буквально руку протяни. Что бы он сделал, если бы мог прикоснуться ко мне? Куда бы выплеснул свою ярость, если бы не приходилось сдерживать ее, сидя в своей «Хонде-Аккорд»?

– Есть хочешь? – спросила я маму, наконец поворачиваясь к ней.

Она пожала плечами, все так же глядя в окно. Во время прошлого кризиса мама потеряла тридцать килограммов за два месяца. Когда я вернулась из Ганы, то с трудом узнала ее, ту самую женщину, что всегда считала худых людей оскорблением природе, как будто какая-то лень или недостаток характера мешали им ценить чистую радость от хорошей пищи. В итоге она сама пополнила их ряды. Щеки ее впали, живот сдулся. Она опустела, исчезла.

Я твердо решила более такого не допускать и купила в сети поваренную книгу по ганской кухне, дабы наверстать те годы, что увиливала от обязанностей по готовке. Еще до приезда мамы я опробовала несколько блюд в надежде набить руку. Купила фритюрницу, хотя студенческий бюджет не предполагал приобретения таких экзотических ингредиентов, как бэфрот (ганский пончик) или плантан (разновидность банана). Мама обожала жареную пищу. Ее мать продавала такую с тележки у обочины дороги в Кумаси. Бабушка была из народности фанти¹, родом из рыбацкого городка Абандзе, и славилась своим презрительным отношением к другой народности, ашанти². Ее упрямство доходило до того, что старушка наотрез отказывалась говорить на чви даже после двадцати лет жизни в столице. Покупаешь еду у нее – обязан слушать ее язык.

– Приехали, – сообщила я и поспешила помочь маме выбраться.

Она пошла чуть впереди, хотя никогда прежде не бывала в этой квартире. Мама всего пару раз навещала меня в Калифорнии.

– Прости за бардак, – извинилась я, хотя никакого бардака не было. С моей точки зрения, но ведь я – не она. Каждый раз, стоило маме приехать ко мне домой, она проводила пальцем по вещам, которые мне и в голову не приходило вытирать, – по ламелям жалюзи, по дверным петлям – и подчеркнуто демонстрировала скопившуюся там черную пыль. Мне оставалось лишь пожимать плечами в ответ на обвинения.

– Чистота дома – это благочестие, – любила повторять мама.

«Чистота дома – это почти как благочестие», – хотелось поправить мне, но она бы лишь нахмурилась, мол, какая разница?

Я показала спальню маме, она молча забралась на кровать и погрузилась в сон.

¹ Фанти (самоназвание – мфантсе, фанте) – народ, по большей части живущий в Гане между г. Секонди и р. Денсу (ок. 1,8 млн человек), также небольшая часть живет в Либерии. *Здесь и далее прим. пер.*

² Ашанти (ашантийцы; самоназвание – асантифо, асанти – означает «объединяющиеся для войны») – народ группы акан. Живут в центральных районах Ганы (области Ашанти и Бронг-Ахафо).

Глава 3

Едва услышав тихое похрапывание, я на цыпочках выбралась из квартиры и пошла проверять своих мышей. И пусть я их рассадил, наиболее пострадавшая корчилась от боли в углу коробки. Судя по всему, долго бедняга не протянет. Мне почему-то стало ужасно грустно, но, когда двадцать минут спустя мой напарник Хан застал меня рыдающей в углу комнаты, стыд не позволил признаться, что причиной слез стала вероятная смерть мыши.

– Паршивое свидание выдалось, – соврала я.

Лицо Хана искажил ужас, но напарник все же выдал пару слов поддержки. Несложно догадаться, что он при этом думал. «Я пошел в науку не затем, чтобы разбираться с женскими истериками». Мой плач превратился в смех, громкий и хриплый, отчего ужас на лице Хана стал явственнее, а уши запылали, точно красный сигнал светофора. Я оборвала смех, выбежала из лаборатории в уборную и уставилась в зеркало. Покрасневшие опухшие глаза, нос как слива, кожа на ноздрях шелушится после салфеток.

– Возьми себя в руки, – велела я женщине в зеркале, но получилось так ненатурально, словно я воспроизводила сцену из фильма, словно у меня нет «я», за которое можно было бы ухватиться, – или, скорее, целый миллион «я», слишком много, чтобы собрать воедино. Одно стояло в уборной и играло роль; другое – в лаборатории глядело на раненую мышь – животное, к которому я ничего не испытывала, но чья боль каким-то образом пришибла меня. Или, наоборот, расщепила. Еще одно все еще думало о моей матери.

Мышиная драка так потрясла меня, что я проверяла зверюшек куда чаще, чем следовало. Когда я вернулась в лабораторию, Хан уже был там, оперировал свою мышь. И как обычно, закрутил термостат до минимума. Я поежилась от холода, и напарник поднял голову.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила я.

Мы уже месяцами трудились вместе, но дальше обычного приветствия не заходили – кроме того момента, когда Хан застал меня в слезах. Теперь напарник больше мне улыбался, но стоило попытаться завязать беседу, его уши снова вспыхивали красным.

Я проверила мышей, ход эксперимента. Никаких драк, никаких неожиданностей.

Я поехала обратно в квартиру. Мама все так же лежала в спальне под облаком из одеял. С губ ее срывался звук, похожий на мурчание. Я так долго жила одна, что теперь меня нервировал даже этот тихий шум, по громкости не превышавший легкий гул. Я уже и забыла, каково это: жить с мамой, заботиться о ней. Долгое время – на самом деле почти все мои сознательные годы – были только я и она, однако наше сожительство было неестественно. Она это знала, я это знала, и обе мы старались забыть правду – что изначально нас было четверо, а потом трое, двое. Когда мама уйдет, добровольно или нет, останусь я одна.

Глава 4

Дорогой Боже!

Мне все любопытно, где же ты есть. В смысле, я знаю, что ты здесь, со мной, но где именно? В космосе?

Дорогой Боже!

Черная Мамба много шумит, но вот когда злится, то двигается очень медленно и тихо, а потом вдруг бац! – и оказывается прямо перед тобой. Базз говорит, это потому, что она африканский воин и обязана уметь подкрадываться незаметно.

Базз очень забавный. Лазит везде тихонько, а потом вдруг как нависнет, подберет что-то с пола и спрашивает: «Это что такое?» Он больше не показывает Чин Чина.

Дорогой Боже!

Если ты в космосе, то как меня видишь? И на что я тогда для тебя похожа? А как выглядишь ты, если ты вообще как-то выглядишь? Базз говорит, ни за что не станет астронавтом. Думаю, я тоже, но если ты в космосе, я бы к тебе слетала.

Глава 5

Когда нас было четверо, я, в силу малолетства, этого не ценила. Мама любила рассказывать истории об отце. Метр девяносто пять ростом, пожалуй, самый высокий человек, какого она только видела, – может, даже самый высокий во всем Кумаси. Вечно крутился у их тележки, подтрунивал над упрямой бабулей с ее приверженностью фанти, уламывал угостить его бесплатно ачомо, ганскими чипсами, которые он называл «чин чин», как нигерийцы в городе. Когда родители встретились, маме было тридцать, когда поженились – тридцать один. Старая дева, по ганским меркам, но мать твердила, мол, Господь велел ей подождать, а когда она встретила папу, то поняла, кого же столько ждала.

Мама звала его Чин Чин, такое прозвище дала ему бабушка. Когда я была маленькой и хотела послушать о нем, то стучала себя по подбородку, пока мама не сдавалась. «Расскажи о Чин Чине», – просила я. И почти не воспринимала его как своего отца.

Чин Чин был старше мамы на шесть лет. Жил со своей матушкой и не испытывал никакой потребности жениться. Его вырастили католиком, но стоило маме с ним сойтись, как она затащила его в свое пятидесятилетие. В этой вере их и обвенчали. Стояла ужасная жара, а гостей собралось так много, что на третьей сотне просто перестали считать.

Родители молили Бога о ребенке, но месяц шел за месяцем, год за годом, а ответа не было. Вот тогда мама впервые усомнилась в воле Божьей. «Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар»³.

– Ты можешь завести дитя с другой, – предложила она, по-своему истолковав молчание Господа, но Чин Чин лишь рассмеялся. Тогда мама заперлась в гостиной бабушкиного дома и провела три дня в посте и молитве. После такого она, должно быть, выглядела как ведьма и пахла как бродячая собака, но, выйдя из молитвенной комнаты, сказала моему отцу: «Сейчас», – и они возлегли вместе. Девять месяцев спустя родился мой брат Нана, мамин Исаак.

«Видела бы ты, как Чин Чин улыбался Нана, – любила повторять мама. – От всей души. У него загорались глаза, губы растягивались до самых ушей, и даже сами уши приподнимались». Нана отвечал отцу тем же. И если папино сердце напоминало потускневшую от времени лампочку, брат был чистым светом.

Нана пошел в семь месяцев. Так родители поняли, что он вырастет высоким. Его обожали все соседи, вечно звали на праздники. «А вы Нана с собой приведете?» – спрашивали они, желая озарить свой дом его улыбкой, повеселиться, глядя на его неуклюжие детские танцы.

Каждый торговец держал про запас подарок для Нана. Плошку коко – острой пшенной каши, кукурузный початок, небольшой барабанчик. «Разве есть что-то, чего мой сын не может получить?» – задавалась вопросом мама. Почему бы ему не завоевать весь мир? Она знала, что Чин Чин с ней согласен. Нана, любимый, обожаемый Нана заслуживал только самого лучшего. Но что лучшее мог предложить ему мир? По мнению Чин Чина – бабушкины ачомо, суету Кеджети, красную глину и вкуснейшее фуфу⁴ его матушки. То есть Кумаси, Гану. Мама так не думала. Ее кузина переехала в Америку и теперь помогала семье в Гане деньгами и одеждой. А значит, по ту сторону Атлантики полно и денег, и одежды. После рождения Нана Гана стала казаться слишком тесной, а мама хотела, чтобы сыну было куда расти.

Родители бесконечно спорили, но в итоге легкая натура Чин Чина позволила ему так же легко отпустить мою мать. Недели не прошло, как она вступила в лотерею на получение грин-карты. В те времена ганцы еще редко эмигрировали в Америку, поэтому шансы на выигрыш

³ Бытие 18:12.

⁴ Популярное западноафриканское блюдо, которое готовят из бананов, перетертых до состояния пюре, с добавлением овощей и специй.

были высоки. Несколько месяцев спустя мама узнала, что система случайным образом выбрала ее заявку и дала добро на ПМЖ. Мать собрала свои нехитрые пожитки, взяла маленького сына и уехала в Алабаму, штат, о котором ничего не знала, но где собиралась жить с кузиной, которая как раз доучивалась на докторскую степень. По уговору Чин Чин должен был присоединиться к маме позже, когда подзаработает денег на второй билет на самолет и их собственное жилье.

Глава 6

Мама спала весь день и всю ночь, сутки напролет. Она практически не двигалась. При любой возможности я старалась убедить ее что-нибудь съесть. Стала готовить коко, свое любимое детское блюдо. Мне пришлось обойти три разных магазина, чтобы отыскать нужный сорт проса, подходящую кукурузную шелуху и правильный арахис для посыпки. Надеюсь, что уж кашу-то мама проглотит не задумываясь. Утром, перед тем как пойти на работу, я оставила миску у ее постели, но, когда вернулась, поверхность блюда подернулась пленкой, а все, что ниже, так слежалось, что пришлось немало потрудиться, выскабывая кашу в раковину.

Мама всегда лежала ко мне спиной, словно чуяла, когда я войду в комнату с тарелкой коко. Я представила, вот бы кто-нибудь заснял это и сделал монтаж: внизу подстрочником мелькают названия дней недели, но единственное, что меняется в кадре, – моя одежда.

Примерно через пять суток в таком режиме я вошла в комнату, а мама не спала и лежала лицом ко мне.

– Гифти, ты все еще молишься? – спросила она, когда я поставила чашку с коко.

Пожалуй, милосерднее было бы солгать, но милосердие во мне закончилось. А может, никогда и не начиналось. Я смутно припоминала, что в детстве была доброй, но, вероятно, путала доброту и младенческую невинность. Между мной прежней и нынешней было так мало общего, что казалось бессмысленным выказывать матери чувства вроде милосердия. Разве тогда я его знала?

– Нет, – ответила я.

В детстве я молилась. Читала Библию, вела дневник, где писала письма Богу. Жутко боялась, что их прочитают, поэтому придумала кодовые имена для всех тех, кто, по моему мнению, заслуживал его кары.

Если пролистать этот дневник, становится ясно, что я была из тех ярых христиан, что от души верят в искупительную силу наказания. «Причина, почему они еще не упали и не падают, может быть только одна – не пришло назначенное Богом время. Поэтому и сказано, что, когда оно придет, “нога их поскользнется”. Бог не будет больше поддерживать их на скользком месте. Он оставит их одних»⁵.

Свою мать я назвала Черной Мамбой – мы в школе как раз проходили пресмыкающихся. Учитель показал нам фильм, где двухметровая змея, похожая на изящную женщину в обтягивающем платье, скользила по пескам Сахары в погоне за кустарниковой белкой.

В ту ночь я записала в своем дневнике:

Дорогой Боже!

Последнее время Черная Мамба со мной очень плохо обходится. Вчера сказала, что, если не приберусь в комнате, никто не захочет на мне жениться.

Брат Нана проходил под кодовым именем Базз. Не помню почему. Поначалу Базз был моим героем:

Дорогой Боже!

Базз сегодня бегал к фургончику с мороженым. Себе взял эскимо-ракету, а мне леденец с Флинстоунами.

Или:

⁵ Д. Эдвардс. Грешники в руках разгневанного Бога.

Дорогой Боже!

Сегодня в центре отдыха другие ребята не захотели со мной играть в трехногие гонки, мол, я слишком маленькая. А Базз пришел и сказал, что встанет со мной в пару! И знаешь что? Мы победили, и я получила приз.

Временами брат меня донимал, но тогда его промахи были невинными, заурядными.

Дорогой Боже!

Базз вечно вламывается ко мне без стука! Ну сколько можно!

Однако несколько лет спустя мои просьбы о вмешательстве свыше приобрели совсем иной характер.

Дорогой Боже!

Прошлой ночью Базз пришел домой и начал кричать на ЧМ. Я услышала, как она плачет, и спустилась вниз, хотя мне полагалось уже быть в постели (извини). ЧМ попросила Базза не шуметь, а то он меня разбудит, но Базз схватил и разбил телевизор об пол, а потом еще и дыру в стене кулаком пробил. У него начала течь кровь, ЧМ расплакалась, посмотрела вверх и увидела меня. Я побежала к себе, а Базз закричал: «Пошла нахрен отсюда, лошняя назойливая!» (А что такое лошняя?)

Мне было десять, когда я это записала. Хватало мозгов придумывать условные имена и помечать новые для себя слова, но не хватало, чтобы понять: любой человек при желании с легкостью расшифровал бы мой код. Я прятала дневник под матрасом, но так как мама убиралась повсюду, то наверняка в какой-то момент его нашла. Впрочем, она ни разу об этом не упомянула. После того случая с телевизором мама прибежала ко мне в спальню и заперла дверь, а Нана остался бесчинствовать внизу. Мать прижала меня к себе, поставила нас обеих на колени у кровати и принялась молиться на чви.

Awurade, bə me ba barima ho ban. Awurade, bə me ba barima ho ban. Боже, спаси моего сына. Боже, спаси моего сына.

– Ты должна молиться, – заявила она мне теперь. Взяла коко, проглотила пару ложек и отставила миску обратно на тумбочку.

– Вкусно? – спросила я.

Мама пожала плечами и вновь повернулась ко мне спиной.

~

Я отправилась в лабораторию. Хана там не было, так что в комнате стояла приемлемая температура. Я повесила куртку на спинку стула, собралась с духом и отловила пару мышей, чтобы подготовить их к операции. Сбрила шерстку с макушек, осторожно просверлила черепа, вытирая кровь, пока не показались ярко-красные мозги. Грызуны лежали под наркозом, их грудные клетки механически расширились и сдувались.

И пусть я уже миллион раз выполняла подобную процедуру, вид мозга по-прежнему меня завораживал. Даже если бы я досконально изучила маленький орган внутри крошечной мыши, он все равно не отражал бы всей сложности аналогичного органа в моей собственной голове. И все же мне пришлось постараться понять его работу и перенести это ограниченное понимание на тех из нас, кто составлял вид *Homo sapiens*, самых сложных животных – единственных животных, кто считал, будто вышел за пределы своего царства, как любил говорить один из моих учителей биологии в старших классах. Эта вера, эта трансцендентность хранилась внутри самого органа. Бесконечная, непознаваемая, одухотворенная, возможно, даже волшебная. Я

променяла пятидесятничество своего детства на эту новую религию, этот новый поиск, зная, что никогда ее полностью не постигну.

Я училась в Медицинской школе Стэнфордского университета по специальности «неврология». Мое исследование было посвящено нейронным цепям поведения, связанного с жадой вознаграждения. Однажды на свидании, еще на первом году обучения в аспирантуре, я изрядно утомила парня, пытаясь объяснить ему, чем же занимаюсь весь день. Он отвел меня в «Тофу-хаус» в Пало-Альто, и, пока сам сражался с палочками для еды, роняя кусочки булгоги на салфетку на коленях, я рассказывала ему о медиальной префронтальной коре, прилежащем ядре и двухфотонном лазерном микроскопе.

– Мы знаем, что медиальная префронтальная кора играет решающую роль в подавлении импульсов, связанных с жадой вознаграждения, просто нервная система, которая позволяет это делать, еще мало изучена.

Я встретила его на сайте знакомств. У него были соломенного цвета волосы и постоянно обгоревшая кожа. Такой типичный серфер из Южной Калифорнии. До похода в ресторан мы только переписывались, и я гадала, не стала ли его первой темнокожей подружкой, не вел ли он список чего-то нового и экзотического, что хотел бы попробовать в жизни, – вроде этого корейского блюда, с которым уже устал мучиться.

– Ха. Как интересно, – протянул парень.

Наверное, ожидал чего-то другого. В моей лаборатории из двадцати восьми сотрудников насчитывалось всего пять женщин, и я была одной из трех чернокожих кандидатов наук во всей медицинской школе. Я сказала серферу, что получаю докторскую степень, но не уточнила, в какой области, потому что не хотела его отпугивать. Нейробиология, возможно, и круто, но вот совсем не сексуально. Добавить сюда еще мой цвет кожи – видимо, это оказалось для него уже чересчур. Он мне так и не перезвонил.

С тех пор на свиданиях я говорила, что моя задача сперва посадить мышей на кокаин, а потом забрать его у них.

Двое из трех задали один и тот же вопрос: «Так что, получается, у вас там тонна кокаина?» Я так и не создалась, что мы давно заменили кокаин на «Эншур», пищевые добавки. И достать проще, и мыши на него легко подсаживались.

Меня заводило то, что я могу сказать что-то яркое и скандальное этим мужчинам, с большинством из которых разок пересплю и больше никогда не увижусь. Я чувствовала силу, когда их имена возникали на экране моего телефона спустя часы, дни, недели после того, как они увидели меня голой, впились ногтями в мою спину, иногда до крови. Читая их сообщения, я ощущала эти метки. Чувствовала, что в моей власти так и держать их на уровне имен на экране, но через некоторое время они переставали звонить, и тогда я черпала силу в их молчании. По крайней мере, ненадолго. Я не привыкла к доминирующей роли в отношениях, к сексуальности. В старших классах меня никогда не звали на свидание. Ни разу. Я была недостаточно крутой, недостаточно белой, еще какой-нибудь «недостаточной». В колледже вела себя застенчиво и неуклюже, все еще держалась за христианство, которое требовало блюсти чистоту до брака и заставляло меня бояться мужчин и своего тела. «Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела»⁶.

– Я же симпатичная, да? – спросила я однажды маму. Мы стояли у зеркала, она красилась на работу. Не помню, сколько именно мне было, но краситься еще не разрешали. Приходилось тайком лазить в косметичку, когда мамы нет дома, – впрочем, задача была несложная. Мама все время работала. Ее никогда не было рядом.

– Это что еще за вопросы? – спросила она, схватила меня за руку и рывком подтянула к зеркалу. – А ну смотри, – велела мама, и впервые мне показалось, что она на меня рассердилась.

⁶ Первое послание к Коринфянам 6:18.

Я пыталась отвернуться, но стоило опустить глаза, мать снова меня дергала. Столько раз, что мне казалось, сейчас рука оторвется.

– Смотри, что создал Господь. А теперь смотри, что нарисовала я, – сказала мама на чви.

Долгое время мы гляделись в зеркало. До тех пор, пока у мамы не сработал будильник, сигнал, что пора заканчивать одно дело и приниматься за другое. Она накрасила губы, послала себе в зеркало воздушный поцелуй и побежала на работу. А я так и осталась на месте, глядя на себя и посылая себе поцелуи.

~

Мыши медленно приходили в себя, оправляясь от анестезии и обезболивающих. Я ввела вирус в прилежащее ядро и имплантировала линзу в их мозг, чтобы во время экспериментов видеть, как срабатывают нейроны. Иногда я задавалась вопросом, заметили ли зверюшки дополнительный вес в головах, но старалась не развивать подобные мысли, не очеловечивать подопытных, ведь это затруднило бы мне выполнение задачи. Я привела лабораторию в порядок и пошла в кабинет. Предстояло написать работу, по-видимому последнюю перед выпуском. На вычисления, самую сложную часть, обычно уходило несколько недель, но я занималась ерундой, тянула время. Проводила эксперименты снова и снова, пока предстоящая защита не становилась чем-то далеким. Я подумывала повесить плакат над столом, чтобы привести себя в чувство. «ДВАДЦАТЬ МИНУТ В ДЕНЬ НА ДИПЛОМ, ИЛИ...» Или что? Пустая угроза. После двадцати минут рисования закорючек я сдалась и вытащила дневник, который прятала в недрах стола, чтобы читать в те дни, когда уставала от работы, когда чувствовала себя подавленной и одинокой, бесполезной и безнадежной. Или когда возникало желание найти работу, где мне платили бы больше семнадцати тысяч долларов, львиная доля которых уходила на оплату жилья в дорогом студенческом городке.

Дорогой Боже!

У Базза сегодня выпускной, он надел костюм! Ярко-синий с розовым галстуком и платочком. ЧМ пришлось специально его заказывать, ведь Базз очень высокий и в магазине на такой рост ничего не нашлось. Мы весь день его фотографировали, смеялись, обнимались, а ЧМ плакала и все повторяла: «Ты такой красивый». Потом настало время забирать его девушку. Приехал лимузин, Базз сел туда, высунулся в окно на крыше и помахал нам. Он выглядел совершенно нормально. Пожалуйста, Боже, пусть всегда так и будет.

Три месяца спустя мой брат умер от передозировки героина.

Глава 7

К тому времени, как я захотела узнать в подробностях, почему родители решили иммигрировать в Америку, мама расхотела об этом говорить. Привычная версия – что она мечтала подарить Нана мир, а Чин Чин неохотно согласился – всегда казалась мне какой-то усеченной. Как и большинство американцев, я очень мало знала об остальном мире. Годами я сочиняла небылицы другим детям, якобы мой дед был воином, укротителем львов, великим вождем.

– И вообще, на самом деле я принцесса! – заявила я Джоффри, вечно сопливному приятелю по детскому садику. Мы вместе сидели в самом конце класса. Я всегда подозревала, что учительница специально меня к нему запихнула, чтобы я любовалась на сопли Джоффри и еще отчетливее ощущала, что мне здесь не место. Меня такое положение дел возмущало, и я от души отрывалась на Джоффри.

– Врешь, – заявил тот. – Черных принцесс не бывает.

Я пришла домой и спросила маму, неужели это правда. Она лишь велела мне замолчать и не беспокоить ее по пустякам. Это я слышала всякий раз, когда просила рассказать мне семейную историю – а в то время я была просто одержима историей. Мне хотелось послушать, как мама жила в Гане с моим папой, и чтобы в сюжете непременно были всевозможные короли, королевы – и проклятия, ведь как, если не ими, объяснить, почему отца нет рядом? И пусть все окажется куда грандиознее и элегантнее той скупой версии, которую я уже знала. А если уж мамина жизнь на сказку не походила – ладно, я была согласна и на сюжет вроде тех, что видела по телевизору, где Африку неизменно представляли континентом голода и военных действий. Однако никаких войн мама не застала, а если и испытывала проблемы с питанием, то совершенно иного рода – когда ешь одно, а хочется другое. Неутолимую жажду недостижимого. Я тоже мучилась схожей жаждой, и мамины истории вечно казались мне недостаточно экзотичными, недостаточно яркими, недостаточно... В общем, такими было не защититься от Джоффри, его соплей, учительницы в детском саду и этого места в самом конце класса.

Мама говорила, Чин Чин присоединился к ним с Нана несколько месяцев спустя после их переезда в Алабаму. Отец тогда впервые полетел на самолете. Взял с собой лишь один чемодан и пачку бабулиных ачомо и махнул в Аккру в переполненном автобусе. Изнывая от жуткой толчеи, от необходимости почти три часа ехать стоя, он от души радовался своему росту, благодаря которому мог глотнуть свежего воздуха, возвышаясь над прочими пассажирами.

Увидев, куда папа направляется, служащие аэропорта «Котока» порадовались за него и пожелали счастливого пути. «Вот бы и нам за тобой, *chale*⁷», – сказали они. А вот в аэропорту имени Джона Кеннеди у отца на таможне конфисковали его чипсы.

В то время мама зарабатывала десять тысяч долларов в год, трудясь сиделкой у человека по имени мистер Томас.

– Поверить не могу, что мои дерьмовые детки наняли мне ниггу, – часто говаривал он.

Мистер Томас разменял девятый десяток и страдал Паркинсоном на ранней стадии, однако тремор никак не мешал его способности изрыгать оскорбления. Мама вытирала ему задницу, кормила его, смотрела вместе с ним телевикторину – и посмеивалась, ведь нахал не мог ответить почти ни на один вопрос. Мистер Томас успел сменить пять нянек, но все не выдерживали и сбежали.

– Ты по-ан-глий-ски по-ни-ма-ешь? – орал старик каждый раз, когда мама приносила ему оплаченные «дерьмовыми детками» полезные блюда, а не бекон, которого он упорно требовал.

⁷ В переводе «чувак, приятель» – ганское словечко, образовавшееся от чикагского сленгового Charlie, неформальное обращение к человеку.

Лишь на эту работу маму и взяли. Она оставляла Нана с кузиной или брала с собой, от чего вскоре пришлось отказаться, ведь мистер Томас взял за привычку называть моего брата «мелкой обезьянкой». Все чаще ей приходилось бросать сына одного на всю суточную смену и молиться, чтобы он просто спал до утра.

Чин Чину было еще сложнее устроиться на работу. Поначалу его тоже наняли компаньоном к больным людям, но слишком многие отказывались от услуг, едва завидев папу на пороге.

– Кажется, они его пугаются, – однажды сказала мне мама, но не объяснила, как пришла к такому заключению. Она почти никогда не думала о расизме. Даже мистер Томас, что в принципе не звал маму иначе как «этой нигмой», для нее был просто чудаковатым стариком.

Однако, гуляя с моим папой, мама стала замечать, как американцы воспринимают больших чернокожих мужчин. Отец позабыл про гордую осанку, стал горбиться, сжиматься. Особенно ходя по «Волмарту», где его трижды за четыре месяца успели огульно обвинить в краже. Папу отводили в комнатку у выхода, ставили к стене, хлопывали с головы до ног. Он тосковал по родному дому, чувствовал себя униженным и вскоре вовсе перестал выходить на улицу.

Тогда-то мама и нашла пятидесятническую церковь Собраний Божьих на Бридж-авеню. После переезда в Америку службы остались в прошлом, она старалась брать все воскресные смены, ведь по воскресеньям большинство алабамцев покидало дома ради двух священных обрядов – сходить в церковь и на футбол. Американский футбол маму не интересовал, а вот по службам она скучала. Приезд папы напомнил ей, сколь многим она обязана Господу, какая сила кроется в молитвах. Она хотела избавить отца от его страха, а для этого ей требовалось сперва освободиться от своих.

Церковь Собраний Божьих представляла собой маленькое кирпичное строение, не больше дома с тремя спальнями. На фасаде висело табло, где высвечивались послания, призванные зазвать людей внутрь. Иногда они представляли собой вопросы, вроде «Вы уже видели Его деяния?», «Вы обрели Бога?» или «Чувствуете себя потерянным?». Иногда ответы, например «Обойди весь белый свет, Иисуса лучше нет!». Уж не знаю, эти ли фразы привлекли мою мать, но церковь стала ее вторым домом, местом самых искренних молитв.

В тот день, когда она первый раз туда пришла, в святилище по громкоговорителям играла музыка. Завороженная голосом певца, мама медленно двинулась к алтарю по воле этого бесплотного зова. Она преклонила колени перед Господом и молилась, молилась, молилась. А когда подняла голову с мокрым от слез лицом, то подумала, что может и привыкнуть к жизни в Америке.

Глава 8

В детстве я думала, что стану танцовщицей или епископом Пятидесятнической церкви, женой священника или гламурной актрисой. В старших классах я добилась таких успехов в учебе, что казалось, мне нет иного пути, как пойти в доктора. Шаблонный вариант для любого способного иммигранта, вот только обычно к нему прилагаются сверхзаботливые родители. Маме же было плевать, чем я занята, она ни к чему меня не принуждала. Подозреваю, мною бы больше гордились, если бы я сейчас стояла на кафедре Собраний Божьих и невнятно мяукала сто шестьдесят второй псалом из книги песнопений перед собравшейся паствой. Почему-то все хористы в этой церкви ужасно пели. Когда мне разрешили посещать «взрослые службы», как звали их ребята из церковной школы, я каждый раз пугалась визгливых завываний епископа. Те вызвали неприятные ассоциации. Когда мне было пять, а Нана одиннадцать, мы нашли выпавшего из гнезда птенца. Брат сгреб беднягу в свои большие ладони, и мы кинулись домой. Там никого не было. Там всегда никого не было, но мы знали – надо торопиться. Если мама придет и обнаружит в доме птенца, то либо пристукнет его на месте, либо унесет и бросит где-то умирать. А еще непременно расскажет, как именно поступила. Мама никогда не берегла наши чувства, в отличие от прочих родителей. Если я клала под подушку выпавший зуб, надеясь на приход зубной феи, то наутро просто находила его на том же месте. Нана отдал мне птенца, а сам пошел налить ему молока в блюдечко. Держа в руках крошечное тельце, я ощутила пронизывающий его страх, нескончаемую дрожь – и сама принялась плакать. Нана сунул птенца клювом в блюдце, но тот не стал пить. Его дрожь передалась мне. Вот такие образы и вызывал у меня голос епископа – трясущееся тельце несчастной птицы и перепуганный ребенок. Так что от этой профессии я отказалась.

Следующим вариантом в списке значилась жена священника. По моим наблюдениям, супруга пастора Джона ничем особо не занималась, но я решила подготовиться и повадилась молиться за домашних питомцев всех своих друзей. Например, золотую рыбку моей подруги Кейти, которой мы устроили похороны в унитазе. Глядя, как ее оранжевый хвост уносит потоком воды, я вознесла поминальную молитву. Еще был Бадди, золотистый ретривер Эшли, игривый, озорной пес. Бадди любил переворачивать мусорные баки, которые соседи выставляли на улицу по вторникам. А значит, в среду наутро наша улица вся была завалена яблочной кожурой, пивными бутылками и коробками из-под хлопьев. Мусорщики жаловались, но Бадди упорно гнул свое. Однажды миссис Колдвел, которая и так подозревала мужа в неверности, обнаружила у своего бака трусики, причем не свои, что и стало последней каплей. На следующей же неделе она съехала, а во вторник вечером мистер Колдвел устроился в шезлонге у своего бака с ружьем на коленях.

– Если этот чертов пес еще раз сунется к моему мусору, вам понадобится лопата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.